

Стоп-кадр

Взр. Москва 1994.

6 окт. - 05

Мальчик из кинофильма «Цирк»

Вначале я хотел, нарушив традицию рубрики, рассказать сразу о двух фотографиях, ибо судьбы людей, на них запечатленных, связаны. Но потом решил, что получится слишком громоздко, и разделил этот придуманный жизнью сюжет, поведав сперва историю снимка Любови Орловой, сделанного летом 1971 года в городе Калинин. Теперь — черед второй фотографии.

Не стану интриговать и скажу, что сделана она 3 июня 1972 года в Торжке и изображен на ней московский поэт Джим Паттерсон.

Многие недоумебно спросят: а какое отношение этот симпатичный темнокожий парень имеет к знаменитой актрисе?

Отвечаю: это ее сын. Кинематографический. Тот самый курчавый мальчик, которого она, играя американскую звезду манежа в комедии Григория Александрова «Цирк», прятала от посторонних глаз на гастролях в Москве, опасаясь, что люди осудят белую женщину с черным ребенком, как это было в ее стране, из которой она бежала, опасаясь расправы.

Вспомнили? Узнали? Надеюсь, что узнали, ибо взрослый Джим, если хорошенько присмотреться, очень похож на того малыша, который так естественно, так артистично ревел в финале картины, неуклюже топя по манежу. Это ему пели колыбельную Володин, Канделаки и Михоэлс. Это его баюкала на своих сильных и добрых руках вся страна.

Фильм, несколько лет собиравший полные залы, отшумел и стал историей. Мальчик подрос и стал в годы Великой Отечественной воспитанником Нахимовского училища...

Но прежде, чем продолжить рассказ о «делах давно минувших дней», следует вернуться к истоку этого рассказа, этой судьбы.

«Артиста» на роль сына Мэрион нашли в одной необычной московской семье.

Отцом Джима был американский журналист Ллойд Паттерсон, приехавший в Советскую Россию, чтобы помогать строить новую жизнь, мать — известная русская художница Вера Аралова. Это была счастливая и крепкая семья. Он работал на Московском радио, она занималась живописью; графикой, создавала эскизы костюмов к постановкам МХАТа, театра имени Моссовета, театра Ленинского комсомола и многих других. Ее знала и любила вся театральная Москва.

Ллойд Паттерсон погиб в годы войны. Вера Ипполитовна жива-здоровая. Звоню Джиму, чтобы уточнить

некоторые детали этой публикации, и слышу, как кричит он в другую комнату: «Мама, ты ведь и «Три сестры» делала, да?».

Счастливым оказался крепкий Орловой. Вера Ипполитовна переживала за своего малыша, когда на него направляли слепящие юпитеры и стрекочущие кинокамеры. Но Любовь Петровна так трогательно заботилась о нем, что все обошлось благополучно. Джим стал настоящей кинозвездой, хотя по малости лет и не осознавал этого...

Он блестяще окончил нахимовское училище, где был любим и товарищами, и отцами-командирами. Ему очень шла морская форма. Я видел Джима на фото в тельняшке и при пюйсе — бравый моряк! Стать бы ему адмиралом, продолжать славные традиции российского флота. Но он, вдоволь надышавшись солеными бризами, ушел на берег. Должно быть, сказались отцовские гены: тянуло писать.

Когда появилась первая книжка стихов, тепло встреченная читателями и критикой, понял, что это навсегда. И не только потому, что за плечами был уже Литературный институт. Джим родился поэтом. Сегодня его книги «Россия-Африка», «Хроника левой руки», «Рождение ливня», «Зимние ласточки», «Красная линия» хорошо известны не только российским читателям. Их переводили на многие языки народов нашей страны и зарубежья.

Однако до времени я, как и многие из тех, кто восторгался в свое время фильмом «Цирк», не знали ничего о дальнейшей судьбе самого маленького его героя. Мальчик, ставший «сыном Страны Советов», потерялся в «сплошной лихорадке буден».

И вот однажды в кабинет редактора калининской молодежной газеты «Смена» вошли двое неизвестных. Один был высок, чернокож, строен и курчав. На его лице сияла ослепительная улыбка. Другой уступал ему ростом, цвета был противоположного, но также улыбчив.

— Мы из бригады издательства «Молодая гвардия», — представился он. — Приехали на выступления. Я — Лев Дубаев, а это — Джим Паттерсон.

Смутная догадка мелькнула у меня, и Лева, видно привыкший к подобной реакции, подтвердил:

— Да, тот самый...

Обедали мы втроем в ресторане «Селигер» и не в сухую. Я старался не докучать Джиму вопросами. Но потом, когда снова вернулся в редакцию, основательно выпотрошил его, исписав целый блокнот и сделав с десяток фотографий.

Уезжая из Калинина, они захватили мои стихи, пообещав напечатать в московских журналах. Я не особенно рассчитывал на это, ибо так поступали почти все, кто заглядывал в редакцию. Столичные знаменитости были щедры на посулы, забывая о них где-нибудь за Клином. Но тут вышло иначе: вскоре я прочитал собственные строчки в одном популярном издании.

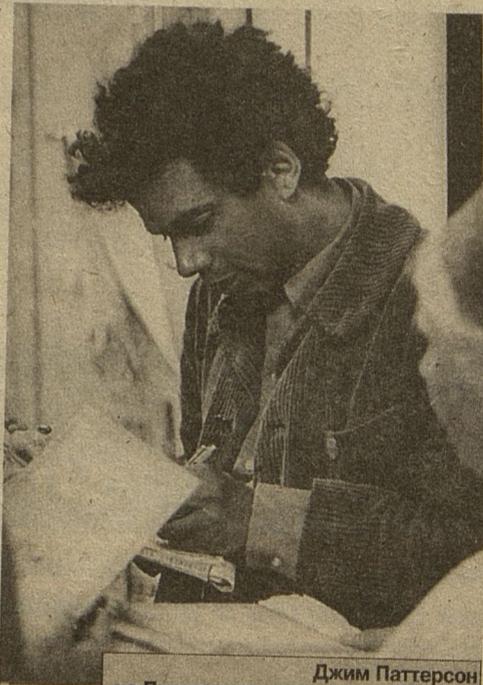
Так началась моя дружба слевой и Джимом. Много раз бывал я у них в гостях, много раз приезжали они ко мне, исколесили чуть ли не все Верхневолжье.

Однажды я пригласил Джима на Пушкинский праздник. Он приехал с новой книжкой стихов и был восторженно встречен тверяками.

Дружество наше длится уже более четверти века. Люблю его стихи и прозу, где сплелись две великие культуры и не затихло эхо песен, которые, как он сам писал, пели над его колыбелью Россия и Африка.

Он стал седым — русский поэт Джим Ллойдович Паттерсон, но все так же поразительно его сходство с мальчиком из довоенного фильма. Так же искренна и добра его улыбка. Может быть, потому, что поэты навсегда остаются детьми.

Алексей ПЬЯНОВ

Джим Паттерсон
на Пушкинском празднике в Торжке.